

582
А III 34
А. С. Будиловичъ.

КУЛЬТУРНАЯ ОТДѢЛЬНОСТЬ НАРОДОВЪ
ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО МІРА.

ин-н. В. Н. Лаванскаго

(Отдѣльный оттискъ изъ *Русскаго Обозрѣнія* 1896 г.).

МОСКВА.

1896.

158	2002 619
№ 1026	Трушков
Трушковская улица	
Народный парк Сиб.	
м.г.	

**ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ,
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

			619	

Секретариату
Владимир Ивановичу Таманскому

А III 34 866

А. С. Будиловичъ.

адрес.

бульвар № 42.

КУЛЬТУРНАЯ ОТДѢЛНОСТЬ НАРОДОВЪ

т. 8

№ 294

ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО МІРА.

Т. III

Секретариат
Владимир Ивановичу Таманскому

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ
1896.

619
1896
Университетская типографія
Москва

122

Дозволено цензурой. Москва, ноября 24 дня 1896 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. ПЕТЕРБУРГ
1896

КУЛЬТУРНАЯ ОТДѢЛЬНОСТЬ НАРОДОВЪ ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО

МІРА.

Избранная мною тема многимъ безъ сомнѣнія, покажется слишкомъ отвлеченною, слишкомъ отдаленною отъ современности и мѣстныхъ интересовъ дня. Въ оправданіе своего выбора я могъ бы, однако, сослаться на то, что наука вообще занимается отвлеченіями, что стремленіе къ обобщеніямъ составляетъ главную характеристику и основную задачу всѣхъ наукъ. Но въ данномъ случаѣ я могу сослаться сверхъ интересовъ частаго знанія и на животрепещущіе вопросы дня, на волнующіе именно наше время, и въ частности нашъ край, вопросы о томъ—въ какихъ собственно историко-культурныхъ отношеніяхъ находится Европа къ Россіи? какое культурное призваніе могутъ имѣть въ этомъ краѣ, съ одной стороны, Россія, съ другой же—Германія? чѣмъ можно объяснить то явное, то скрытые антагонизмы, донныѣ раздѣляющіе русскихъ и нѣмцевъ? какое положеніе занимаютъ въ этомъ отношеніи эстонцы и латыши? ближе ли они къ русскимъ или нѣмцамъ по своимъ культурнымъ задачамъ?—словомъ, кому принадлежитъ этотъ край, конечно, въ смыслѣ не фактическомъ—это не составляетъ вопроса—а въ смыслѣ нравственномъ, что въ перспективахъ будущаго также имѣетъ свое значеніе, быть-можетъ, даже большее, чѣмъ преходящее господство физическое.

Всѣ эти вопросы входятъ, какъ частные, въ одинъ большой міровой вопросъ: составляетъ ли греко-славянство одно культурное цѣлое, притомъ самобытное въ отношеніи къ другимъ культурнымъ мірамъ, или, наоборотъ, оно является лишь вспомога-

¹ Публичная лекція, прочитанная 9 декабря 1894 г. въ актовомъ залѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

— 4 —

тельными и подчиненными факторомъ, какъ бы спутникомъ другаго культурнаго тѣла, напр., Европы и, слѣдовательно, германцевъ? Отъ рѣшенія этого общаго культурно-историческаго вопроса зависитъ, слѣдовательно, рѣшеніе и всѣхъ входящихъ въ него вопросовъ частныхъ, въ томъ числѣ и выше отмѣченныхъ о здѣшнемъ краѣ и нравственныхъ соотношеніяхъ его съ Россією и Германією. Это и придаетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый жизненный интересъ избранной мною темѣ.

Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ до сихъ поръ многими считается спорнымъ. Онъ-то главнымъ образомъ и раздѣляетъ у насъ тѣ два направленія, которыя называются западническимъ и славянофильскимъ. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что вопросы этой области, именно, установленіе той или другой классификаціи, либо системы историческихъ явленій, принадлежать къ труднѣйшимъ въ наукѣ. И если натуралисты до сихъ поръ ведутъ ожесточенные споры о родахъ и видахъ растительнаго или животнаго царства, если антропологи не могли еще справиться съ задачей раздѣленія людей на расы, по физическимъ ихъ признакамъ, легко наблюдаемымъ и даже измѣряемымъ; если и этнографы донинѣ не выработали общепринятой классификаціи людей по народнымъ и племеннымъ группамъ; если даже языковѣды все еще спорятъ о генеологіи языковъ арійскихъ и семитскихъ, кавказскихъ и тюркскихъ, монгольскихъ и американскихъ и т. п., то слѣдуетъ-ли удивляться, что и историки чело-вѣческой образованности, основанной на менѣе очевидныхъ, духовныхъ свойствахъ племенъ и народовъ, не установили еще общепризнаваемой классификаціи ихъ по признакамъ историко-культурнымъ?

Но спорный характеръ взятаго нами вопроса и трудность окончательнаго его рѣшенія — не освобождаютъ насъ отъ обязанности вникать въ него и взвѣшивать попытки его разрѣшенія, ибо вопросъ этотъ имѣетъ первостепенную важность и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ. Подобно тому, какъ въ астрономіи лишь по установленіи Коперниковомъ естественной системы небесныхъ тѣлъ возможно было открытіе Кеплеромъ и Ньютономъ законовъ ихъ движенія, такъ и во всемірной исторіи нельзя рассчитывать на открытіе аналогичныхъ законовъ до тѣхъ поръ, пока не удастся установить естественную систему культурно-историческихъ явленій. Сверхъ того, и въ нашей жизни — религіозной, политической, экономической, научно-художественной — мы поминутно наталкиваемся на

вопросы культурной области, рѣшеніе которыхъ не можетъ быть откладываемо впредь до окончательнаго соглашения всѣхъ историковъ относительно границъ общечеловѣческаго и народнаго, европейскаго и азіатскаго, германскаго и славянскаго, словомъ—чужого и своего.

Въ западно-европейской исторической наукѣ давно уже установился, а затѣмъ былъ усвоенъ и отчасти развитъ далѣе нашими учениками западныхъ ученыхъ, или „западниками“, такой взглядъ на событія и эпохи всемірной исторіи, по которому человечество представляетъ какъ бы одно не только физическое, но и нравственное, одно историческое цѣлое, совершающее по представленнымъ законамъ одинъ непрерывный оборотъ развитія. Активными носителями этого развитія являются особые народы или группы народовъ, которые возвышаются надъ прочими по своей даровитости или вообще по благоприятности условій своей исторической жизни, и потому заслуживаютъ названія народовъ культурныхъ по преимуществу. Таковыми были, напр., китайцы, индусы, вавлонцы, вавилоно-ассирийцы, евреи, финикияне, египтяне, греки и римляне. Въ средніе и новыя вѣка сюда присоединились еще германцы и романцы, создавшіе въ совокупности тотъ блестящій періодъ всемірной исторіи, который называется европейскимъ.

Послѣдовательность исчисленныхъ культурныхъ народовъ опредѣляетъ главную ось всемірно-историческаго оборота, по отношенію къ которой всѣ остальные, болѣе изолированные культурные народы имѣютъ лишь второстепенное историческое значеніе. Такими второстепенными дѣятелями являются и тѣ многочисленныя племена, которыхъ послужили этнографическимъ матеріаломъ для великихъ культурныхъ народовъ, при работѣ ими соответственныхъ культуръ, напр., манджуры въ Китаѣ, дравидасы въ древней Индіи, туранцы въ Иранѣ, фракійцы въ Греціи, иберійцы, кельты, иллиры въ исторіи римской, а, наконецъ, гунны, авары, печенѣги, половцы, мадьяры и другіе: финны, татары, турки, мавры, и разныя мелкія иворолческія племена въ исторіи средне- и ново-европейской. Вотъ къ этой-то послѣдней группѣ—не самостоятельныхъ, а вспомогательныхъ дѣателей всемірной исторіи принадлежать, по этому воззрѣнію, и славяне, въ частности же славяне русскіе. Несмотря на все свое племенное и политическое величіе, на свою многочисленность и продолжительный періодъ культурной работы, они не сумѣли занять самостоятельнаго положенія между боль-

шими историческими народами, вследствие ли меньшей даровитости славянъ или неблагоприятныхъ условий ихъ географическаго размѣщенія и историческаго развитія. Конечно, съ точки зрѣнія племенныхъ интересовъ славянства или, пожалуй, греко-славянства—если включить сюда и внородцевъ восточной Европы, отъ Лапландіи до Мореи и Арменіи—такая второстепенная роль этого круга народовъ является обстоятельствомъ довольно печальнымъ, даже роковымъ, ибо народностямъ этимъ, подобно древнимъ фракійцамъ, иллирамъ, пберійцамъ, даже кельтамъ, предстоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ погибнуть въ средѣ главныхъ носителей европейской культуры, т. е. германцевъ и отчасти романцевъ. Но славянамъ или греко-славянамъ слѣдуетъ утѣшаться тѣмъ, что приносимая ими на алтарь Европы жертва не будетъ бесплодна для дальнѣйшихъ судебъ человѣчества, а наоборотъ, очень полезна для него, ибо приливомъ своей молодой крови славяне усилятъ романо-германцевъ, слѣдовательно облегчатъ для нихъ торжество надъ уцѣлѣвшими еще осколками другихъ культуръ: буддистской, браманской, конфуціанской, мусульманской и, такимъ образомъ, обезпечатъ побѣду Европы надъ міромъ. Эта же побѣда будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и конечнымъ торжествомъ свѣта надъ мракомъ, образованія надъ варварствомъ, свободы надъ рабствомъ, ибо нужно же признать, что въ христіанско-европейской образованности человѣчество достигло чистѣйшей и вмѣстѣ окончательной формы выраженія своихъ высшихъ культурныхъ идеаловъ, вследствие чего образованность эта имѣетъ не преходящій лишь характеръ, какъ китайская или индійская, знаменуетъ собою не какую-либо временную фазу общечеловѣческаго развитія, какъ это все-таки слѣдуетъ сказать объ отжившихъ уже культурахъ Эллады и Рима; нѣтъ, образованность Европы вѣчна, какъ вѣчны идеалы истины, добра и красоты, достигшие въ ней столь полного выраженія... Европеецъ, а въ частности германецъ и еще тѣснѣе нѣмецъ—это перлъ созданія, вершина органическаго творчества. Какое же счастье уготовано всѣмъ нашимъ расамъ, всѣмъ этимъ короткоголовымъ и косочелюстнымъ народамъ, которые, такимъ образомъ, въ концѣ длиннаго ряда метаморфозъ, послѣ перехода, по теории трансформизма, изъ низшихъ расъ и народовъ въ высшіе, могутъ закончить свой эволюціонный оборотъ конечнымъ превращеніемъ изъ грека, чеха, русскаго въ настоящаго европейца и—дать Богъ—въ нѣмца!..

Это одна теорія, та самая, которая господствуетъ на Западѣ

и у насъ многими считается „послѣднимъ словомъ науки“, болѣе того—религиознымъ догматомъ, притомъ главнымъ, а отчасти и единственнымъ въ тощей догматикѣ западниковъ. Догматъ этотъ проникъ даже въ учебники всемірной исторіи, сначала въ нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, а затѣмъ и въ наши. Вотъ почему такъ трудно встрѣтить теперь у насъ человѣка, хотя-бы со среднимъ лишь образованіемъ, который бы не боялся Европой и не стыдился бы своей низшей расы, своей физической или культурной — выражаясь терминомъ Репіуса — короткоголовости; къ счастью, въ новѣйшей нашей исторіософіи зародилось уже и другое, совершенно противоположное учене о чело-вѣчествѣ и его культурномъ оборотѣ. Между провозвѣстниками этого ученія мы не встрѣтимъ, правда, столь громкихъ или столь милыхъ для устаго евронеица именъ, какъ Гегель и Гартманъ, Гизо и Ранке, Бокль и Спенсеръ, Зибель и Дройзенъ, у насъ же Чаадаевъ и Герцень, Грановскій и Герье, Бѣлинскій и Пыпинъ. Но свободное отношеніе къ авторитетамъ, столь превозносимое на Западѣ, обязываетъ и насъ не раболѣпствовать передъ Гегелемъ или Гизо, а наоборотъ, внимательно выслушивать и возраженія противъ нихъ, хотя бы они исходили отъ менѣе извѣстныхъ на Западѣ философовъ и историковъ, въ родѣ, напр., Надеждина и Хомякова, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ, Гильфердинга и Самарина, Данилевскаго и Ламанскаго, Коллара и Шафарика, Штура и Добрянскаго. Такъ остановимся же и мы на тѣхъ доводахъ, въ силу которыхъ названные славяно-русскіе писатели и ихъ послѣдователи „славянофильскаго“ или „панславистскаго“ направленія пришли къ заключенію о несостоятельности вышеизложеннаго ученія западниковъ, о взаимномъ отношеніи міра западнаго къ восточному, или греко-славянскому.

Такъ какъ исходною точкой западной исторіософіи служитъ понятіе о чело-вѣчествѣ, какъ о фетишѣ, въ жертву которому должно быть приносимо все національное, какъ ограниченіе общечело-вѣческаго, слѣдовательно, помѣха его чистому проявленію и развитію, то наши славянофилы и принялись прежде всего за провѣрку этого понятія. При этомъ оказалось, что понятіе о чело-вѣчествѣ и основанный на немъ культъ общечело-вѣческаго, или космополитизмъ, представляютъ выводъ не изъ строго научныхъ посылокъ, а изъ произвольныхъ предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли себѣ составить понятіе о чело-вѣчествѣ, какъ одномъ изъ цѣльномъ историко-культурномъ организмѣ, когда мы не имѣемъ передъ собой этого организма

въ цѣльномъ видѣ, какъ въ пространственномъ, такъ и во временномъ отношеніяхъ, вовсе не знаемъ другихъ подобныхъ организмовъ и, слѣдовательно, не можемъ примѣнить къ его изученію единственно научнаго метода,—сравнительнаго? Курсы всемірной исторіи существовали въ Европѣ еще въ то время, когда ей даже по слуху не было извѣстно человѣчество американское, австралійское, полинезійское, большая часть африканскаго и восточно-азиатскаго. При такихъ условіяхъ не слишкомъ ли послѣдше слѣдано обобщеніе о человѣчествѣ, какъ терминѣ, не только антропологическомъ, но и культурно-историческомъ! Вѣдь по такому же праву могли бы и американцы до Колумба составить на основаніи своихъ тѣсныхъ мірковъ, съ ихъ краснокожимъ населеніемъ, подобное же обобщеніе о человѣчествѣ, которое, конечно, оказалось бы мыльнымъ пузыремъ послѣ открытія для нихъ Стараго свѣта. Чтобы вывести заключеніе о направленіи, характерѣ и цѣляхъ культурнаго оборота человѣчества, необходимо, по требованіямъ опытнаго метода, изучить хотя бы одинъ такой оборотъ, а еще вѣрнѣе—два или три, чтобы такимъ образомъ измѣрить его періоды, и вообще свойства, подобно какъ это дѣлаютъ астрономы по отношенію къ орбитамъ планетъ, кометъ и другихъ небесныхъ тѣлъ. Но европейскіе исторіософы сами сознаются, что въ наблюдаемый періодъ времени человѣчество не завершило еще и одного культурнаго оборота, и даже неизвѣстно, завершитъ-ли его, при существованіи предположенія о вѣчности прогресса, а именно того, который выражается въ безсмертныхъ, яко бы, формахъ европейской или романо-германской образованности. Какимъ же образомъ установить, при такихъ условіяхъ, сколько-нибудь научную гипотезу о законахъ историческаго развитія того абстрактнаго организма, который именуется человѣчествомъ? Не слѣдуетъ ли сознаться, что пока мы ничего не знаемъ о движеніи этого громаднаго тѣла, элементахъ его орбиты, центрѣ вращенія, а тѣмъ менѣе о законахъ и цѣляхъ этого вращенія, подобно какъ и астрономы почти ничего еще не знаютъ о движеніи солнечной системы вокругъ предполагаемаго космическаго центра.

Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что мы ничего не можемъ не только знать, но и гадать о законахъ и цѣляхъ всемірной жизни. Наоборотъ, мы имѣемъ о нихъ нѣкоторое, если не понятіе, то чаяніе. Но оно основывается не на данныхъ исторической или вообще точной науки, а на откровеніяхъ другаго

рола, именно тѣхъ, которыя опредѣляютъ возникновеніе и развитіе религиозныхъ воззрѣній и системъ.

Другое дѣло, если мы откажемся отъ мечты о культурѣ общечеловѣческой и обратимся къ наблюденію, единственно доступныхъ исторической наукѣ, культуръ частныхъ, наприм., китайской, индійской, персидской, еврейской, египетской, греческой, римской, романо-германской и т. п. При изученіи этихъ культуръ открывается уже возможность примѣненія строго научнаго, именно историко-сравнительнаго метода. А такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ уже завершили свой полный оборотъ, то по аналогіи мы можемъ дѣлать заключенія о свойствахъ и тѣхъ сравнительно немногихъ культуръ, которыя такого оборота еще не завершили. На основаніи, наприм., того безспорнаго факта, что всѣ почти прежнія культуры, не исключая греческой и римской, имѣли свое начало, середину и конецъ, время своего зарожденія, цвѣта и увяданія, мы имѣемъ право заключать, что отъ общаго закона, по которому за жизнію слѣдуетъ смерть, не можетъ считаться взятою и теперешняя европейская культура, хотя, конечно, никто не можетъ опредѣлить, когда и при какихъ условіяхъ наступитъ ея увяданіе и разложеніе.

Безспорнымъ представляется и то ученіе славянофиловъ, по которому греко-славянство является столь же самобытнымъ культурнымъ міромъ, какъ Индія, Эллада, Европа.

Въ самомъ дѣлѣ, какія условия должна совмѣщать въ себѣ культура вѣдѣтнаго народа или группы народовъ, чтобы считаться самобытнымъ культурно-историческимъ типомъ? Такими условіями должны, полагаю, быть: 1) существованіе особой, болѣе или менѣе значительной территории, 2) наличность силнаго и даровитаго племени, 3) общность исторической школы, 4) присутствіе особаго просвѣтительнаго начала 5) благоприятное стеченіе обстоятельствъ для развитія и расцвѣта народнообразованности.

Разсматривая съ этихъ точекъ зрѣнія народы греко-славянскаго міра, мы убѣждаемся, что всѣ эти условия въ большей или меньшей степени имѣются здѣсь на-лино, притомъ не въ отдѣльности, а въ совокупности.

Площадь греко-славянскаго или по терминологіи В. И. Ламанскаго — „средняго“ міра занимаетъ до 24 милліон. квадр. километровъ, т. е. почти половину всего азіиско-европейскаго материка и по крайней мѣрѣ всемеро больше европейской площади романо-германскихъ народовъ. Естественныя границы средняго міра со-

ставляют: воды Сѣвернаго и Восточнаго океановъ, морей Балтійскаго (отъ Торнео до Гланска), Адриатическаго (отъ Триеста), Ионическаго и Эгейскаго, приморье Малой Азіи, горы Армении, Паропамиза, Памира, Тянь-Шана, Алтая, Саяна, Хингана и рѣка Амуръ. Наибольше спорна западная граница этого міра: она пролегаетъ поперекъ тѣхъ двухъ перешейковъ, которые соединяють съ материкомъ азійско-европейскимъ два западныхъ полуострова, именно: Скандинавскій, по линіи отъ Варяжскаго залива до устья рѣки Торнео, и Романо-Германскій, или западно-европейскій, по линіи отъ Гланска до Триеста, съ различными изгибами вокругъ Чехо-Морави, Штирии, Хорутави. Физическое единство этой громадной площади опредѣляется главнымъ образомъ ея равниннымъ характеромъ и континентальнымъ климатомъ, особенно по сравненію съ коренною географическою площадью романо-германцевъ. Если-же имѣть въ виду и колоніальныя владѣнія послѣднихъ, особенно англосаксовъ въ сѣверной Америкѣ и восточной Индіи, испанцевъ въ южной Америкѣ и французовъ въ Алжирѣ, Суданѣ, Кохинхинѣ, то ихъ площадь, конечно, превзойдетъ греко-славянскую, но зато будетъ лишена должной компактности и однородности, забывая перѣдко и на площадь другихъ культурныхъ типовъ, напр., арабскаго, индійскаго, китайскаго. Отъ смѣшенія романо-германцевъ съ этими послѣдними, а также отъ вліянія новыхъ климатическихъ и почвенныхъ условий, въ колоніальныхъ владѣніяхъ Европы постепенно вырабатываются новыя племенные особи, отношеніе коихъ къ культурному типу метрополіи еще не можетъ считаться вполне опредѣлявшимся. Греко-славяне находятся, въ этомъ отношеніи, въ болѣе выгодныхъ условияхъ. Ихъ площадь не распространяется на территорію чуждыхъ культуръ, и въ инородческихъ своихъ частяхъ весьма слабо населена (напр., въ Сибири), вслѣдствіе чего ассимиляція этихъ инородцевъ основному славянскому типу не представляетъ столь неодолимыхъ затрудненій, каки мы видимъ въ Индіи или въ Ивдо Китаѣ.

Существованіе затѣмъ сильнаго племеннаго субстрата для развитія самобытной культуры въ греко-славянскомъ мірѣ не можетъ быть оспариваемо. Такимъ субстратомъ являются славяне, образующіе своимъ 120-милліоннымъ множествомъ достаточно вѣтвистый стволъ для примыкающихъ къ нему вѣтвей инородческаго населенія (до 50 мил.) отчасти арійскаго (греки, албанцы, литовцы съ латышамъ, румыны, армяне, цыгане, осетины), отчасти не арійскаго—кавказскаго, финскаго, тюркскаго, монголь-

скаго происхожденія. Правда, нѣкоторые антропологи и этнологи, основываясь на короткоголовости современныхъ славянъ и большей части другихъ народовъ нашего круга, напр., финновъ, татаръ, и ссылаясь на гипотезу, кажется Рециуса, объ относительной бездарности короткоголовыхъ въ сравненіи съ длинноголовыми, напр., индусами, персами, греками, римлянами, германцами, причислили греко-славянъ къ расамъ низшимъ, некультурнымъ. Но вскорѣ послѣ Рециуса оказалось, что и южная Германія населена нѣмцѣмъ короткоголовыми, къ которымъ, слѣдовательно, принадлежали Гете и Шплеръ, Гегель и Шеллингъ и многіе другіе герои нѣмецкой образованности, влѣдетвіе чего связь между длиною черепа и даровитостью была оставлена. Немного продолжалась и гипотеза пана Духинскаго о туранизмѣ или монгольствѣ значительной части русскаго племени, ибо она противорѣчитъ даннымъ языка, а кромѣ того, вовсе не имѣетъ значенія при опредѣленіи даровитости или бездарности народовъ. Высокая во многихъ отношеніяхъ культура китайская вовсе не подтверждаетъ гипотезы о бездарности народовъ монгольской расы. Примѣсь-же элементовъ инородческихъ можетъ еще успѣть даровитость племени, какъ это видно, напр., на испанцахъ, представляющихъ помѣсь италиковъ съ иберійцами, кельтами, германцами и маврами, или на англосаксахъ, воспринявшихъ въ себя элементы не только романскіе, кельтскіе, но и цвѣтныхъ расъ, напр., въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ выработался столь сильный типъ „янки“.

Съ этой точки зрѣнія вовсе не можетъ считаться препятствіемъ развитію греко-славянской образованности существованіе въ средѣ славянства цѣлой дюжины мелкихъ народностей, которыя осложняютъ его типъ своими многообразными примѣсями, но, въ свою очередь, измѣняются и сами, сближаясь съ основнымъ типомъ греко-славянскаго міра. Стоитъ лишь взглянуть на нынѣшняго грека, албанца, румына, мадьяра, турка, чтобы убѣдиться въ ихъ помѣси со славянами. То же доказываютъ языки нашихъ инородцевъ, болѣе или менѣе пропитанные славянизмами. Сильную примѣсь славянскаго можно замѣтить и въ бытовой обстановкѣ этихъ инородцевъ, въ ихъ народныхъ пѣсняхъ, музыкѣ, орнаментахъ и т. п. Особенно должно это сказать о грекахъ средняго и новаго периодовъ, начиная съ IX вѣка. Въ ученіи нѣмецкаго византолога Фалмерайера о совершенномъ вырожденіи эллинизма черезъ помѣсь со славянами существуетъ, конечно, тенденціозное преувеличеніе въ виду сохраненія греческаго языка.

Но нѣтъ сомнѣній, что уже съ VII — VIII вѣка въ населеніи Греціи и въ некоторыхъ побережьяхъ Эгейскаго моря греки и славяне до того перемѣшались, особенно въ городахъ, что зародился наконецъ смѣшанный греко-славянскій типъ, однимъ изъ самыхъ раннихъ в блестящихъ представителяхъ котораго былъ Кирилль Философъ, а равно его братъ Меодій и многіе изъ учениковъ основанной ими греко-славянскою Церквю и школы. Нынѣ греки, конечно, народъ малый и слабый, уступающій по числу и значенію не только славянамъ, но и румынамъ, быть можетъ, и мадьярамъ и некоторымъ другимъ инородцамъ нашего культурнаго міра. Но въ прежніе вѣка, до завоеванія Царьграда турками, не славяне, а греки были главнымъ дѣятелемъ восточно-христіанской образованности. Этимъ они и стяжали себѣ право занять первое мѣсто въ научномъ терминѣ: „греко-славянство“, который наглядно связываетъ образованность славянскую съ эллинскою, Византію съ Россіей и славянствомъ. Такъ и въ терминѣ: міръ „романо-германскій“ заключается указаніе не только на двухъ главныхъ дѣятелей европейской образованности, романцевъ и германцевъ, но и на связь ея съ римскою, знаменитую нашимъ связямъ съ эллинскою.

Эти давнія и крѣпкія связи, восходящія еще ко временамъ Геродота и янтарной торговли славянъ съ греками, получали особую силу въ періодъ христіанизации народовъ нашего міра. Греческіе миссіонеры были главными дѣятелями въ этомъ просвѣтительномъ подвигѣ. Оттого и донынѣ въ греко-славянскомъ мірѣ рѣшительно преобладаютъ приверженцы восточной Церкви, составляющіе до 120 милліоновъ, тогда какъ католиковъ насчитывается не болѣе 26 милліоновъ, а протестантовъ до 7 милліоновъ. Но и послѣдніе, если не вполне, то отчасти, прошли въ началѣ своей исторіи восточно-христіанскую школу, и лишь впоследствии были отъ нея отторгнуты, какъ это извѣстно, на примѣръ, относительно хорватовъ и словенцевъ, словаковъ и чехо-моравянъ, поляковъ и литовцевъ, мадьяръ и естовъ. Съ другой стороны, и православные греко-славяне приобщались въ позднѣйшіе періоды своей жизни къ идеямъ западной образованности, что, конечно, нѣсколько осложнило ихъ культурную обстановку, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабило силу контрастовъ между православною и не-православною частями нашего міра. Но все-таки православіе, то-есть христіанство въ его древнѣйшей исторической формѣ, опредѣленной вселенскими соборами, является основнымъ просвѣтительнымъ началомъ греко-славянства,

подобно тому, какъ брамаизмъ и его дальнѣйшее развитіе буддизмъ—въ образованности индійской, мозаизмъ—въ еврейской, исламъ—въ арабской, пализмъ и его развитіе—протестантизмъ—въ романо-германской.

Столь же существенныя различія мы замѣтимъ между политическими и общественными учрежденіями Запада и Востока, развившимися тамъ изъ комбинаціи идей западной имперіи германскаго феодализма, здѣсь же изъ идей имперіи восточной и славянскаго демократизма, причемъ въ обоихъ случаяхъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ вліяній ориентальныхъ, напримѣръ, маоревскихъ въ Испаніи, турецкихъ на Левантѣ, персидскихъ и даже монгольскихъ на Руси. Сверхъ различія основныхъ стихій оказались несходными на Западѣ и Востокѣ и степень сплоченности народныхъ массъ, и характеръ взаимодѣйствія между силами центростремительными и центробѣжными. На Западѣ идея имперіи была постепенно ослаблена притязаніями отдѣльных политическихъ центровъ, или королевствъ, такъ что она распалась наконецъ на своего рода гексархію, или федерацію шести болѣе или менѣе равносильныхъ группъ: Италія, Испанія, Франція, Германія, Скандинавія, Великобританія, между которыми первенство принадлежало то одному, то другому члену этой своеобразной романо-германской федераціи. Не то произошло на Востокѣ: идея имперіи тамъ не погибла и даже не измѣнилась по существу, а лишь перешла изъ одного центра въ другой, именно изъ Царьграда въ Москву. Въ смыслѣ легальномъ это произошло еще при Иванѣ III, послѣ его вѣнчанія вѣнцомъ Палеологовъ, фактически же—съ Петра Великаго, который выразилъ это и въ титулѣ Императора. Правда, титулъ Императора Всероссийскаго, какъ и власть его, не распространяется еще на всѣ народы греко-славянскаго міра: не малая часть его входитъ понынѣ въ имперіи германскую, австро-венгерскую, турецкую. Но вѣдь римская имперія, какъ древняя, такъ и средневѣковая—не сразу распространилась на всѣ области древне-римской и романо-германской образованности, не сразу дошла до своихъ естественныхъ географическихъ и культурныхъ границъ. Достаточно пока и того, что русское царство собрало подъ свои знамена 120—изъ 170 милл. душъ современнаго греко-славянства, то-есть болѣе трети четвертой этого міра, являясь такимъ образомъ мощнымъ центромъ тяготѣнія для мелкихъ осколковъ еще не „скупленнаго“ греко-славянства. Отношеніе этихъ мелкихъ народностей къ русскому центру вовсе не напо-

минаеть искусственнаго равновѣсія шести членовъ романо-германскаго гексархія, столь неустойчиваго по урокамъ исторіи, а скорѣе напоминаеть крѣпкую сплоченность народовъ древней Персіи или императорскаго Рима, гдѣ наредъ основной, то-есть персы и италики вовсе не имѣли равносильныхъ соперниковъ между народами соответствующихъ системъ.

Можно было бы отмѣтить и въ социально-экономической области не мало глубокихъ различій между народами христіанскаго Востока и Запада: достаточно сослаться на безземельный пролетаріатъ въ главныхъ центрахъ Запада и относительную обеспеченность крестьянства землей на Востокѣ, съ чѣмъ находится въ некоторомъ соотношеніи господство — тамъ городовъ надъ селами, здѣсь же сель надъ городами. Но едва ли не главную особенность общественнаго строя нашего Востока, по сравненію съ Западомъ, составляетъ преобладаніе въ послѣднемъ индивидуализма, а въ первомъ сохраненіе старой общинности, которая не имѣеть, впрочемъ, ничего общаго съ западнымъ коммунизмомъ или социализмомъ, этими радикальными, но не дѣйствительными противоядіями — именно противъ грѣховъ индивидуализма.

Вопреки ходячимъ возрѣніямъ на общечеловѣческій характеръ науки и искусства, можно бы указать въ высшихъ проявленіяхъ перваго и послѣднаго существованіе самобытныхъ основъ славянскаго философіи, исторіографіи, поэзіи, музыки, что признано отчасти и западными критиками. Но я ограничусь здѣсь ссылкой на вышеназванныхъ уже философовъ и историковъ савянофильскаго направленія, которые не только разъяснили принципъ національности въ наукѣ и искусствѣ, но отчасти примѣнили его къ дѣлу, выработавъ цѣлыя системы исторіософіи, которыя бесспорно имѣють блестящую будущность при дальнѣйшемъ развитіи греко-славянскаго науки. Для тѣхъ же, кому пмена Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Самарина, Данилевскаго не кажутся довольно звучными, можно сослаться на плеяду произведенныхъ греко-славянствомъ пменъ міроваго значенія, каковы, напр., Коенринкъ, Каменскій, Ломоносовъ, Добровскій, Пироговъ, Лобачевскій, Чебышевъ, Менделѣевъ, Палацкій, а изъ художниковъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Мицкевичъ, Глянка и т. д. Положимъ, многіе изъ нихъ работали совмѣстно съ романо-германцами и являются какъ бы сотрудниками послѣднихъ — въ созданіи новой европейской науки и искусства. Но все же изъ этого слѣдуетъ, что, во-первыхъ наука эта многимъ обязана вкладомъ греко-славян-

скаго гениа, во-вторыхъ, что греко-славянство есть историческій дѣятель съ громаднымъ запасомъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Къ сожалѣнію, не мало этихъ силъ пришлось ему израсходовать въ разныя эпохи исторіи на служеніе постороннимъ культурнымъ задачамъ и цѣлямъ. Съ самаго начала среднихъ вѣковъ греко-славянамъ суждено было принимать на свою грудь первый натискъ то дикихъ оръ, то культурныхъ народовъ Азии, какъ-то: гунновъ, аваръ, болгаръ, печенѣговъ, мадьяръ, половцевъ, татаръ, турокъ и другихъ. Греко-славяне были, слѣдовательно, какъ бы сторожевымъ валомъ романо-германской Европы (съ юго-востока), которой пришлось воспользоваться плодами ихъ трудовъ и жертвъ. Но еще хуже было то, что съ очень ранняго времени многія вѣтви греко-славянства откололись отъ своего ствола и поступили въ кабалу то итальянцамъ, то нѣмцамъ, то шведамъ, отчасти и совершенно потонули въ средѣ поработителей, удобривъ своею кровью ихъ пограничныя марки, и послуживъ затѣмъ мостомъ для дальнѣйшаго Drang nach Osten—со стороны народовъ Запада. Особенно прискорбна была для дальнѣйшихъ судебъ нашего міра гибель прибалтійскаго славянства, легшаго затѣмъ въ основу самаго энергичнаго и опаснаго для славянъ — прускаго типа нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, гибель полабскаго и пріодерскаго славянства не послужила полезнымъ урокомъ для остальныхъ вѣтвей ляхскаго племени: онѣ не только не создали отпора нѣмецкому натиску, но еще облегчили его, добровольно призвавъ нѣмцевъ въ Прусы и дозволить имъ распространиться оттуда до западной Двины, даже до Чудскаго озера и Наровы. Въ интересахъ Запада распространяли поляки на Литвѣ и Руси папизмъ и панство, магдебургское право и онѣмеченное еврейство, притомъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что въ началѣ XVII вѣка дошли до Москвы, и едва не овладѣли русскимъ царствомъ.

И чехославяне не мало послужили нѣмцамъ, вообще Западу, со времени Святополка и Болеславовъ, особенно же при Оттокарахъ, Іоаннѣ Люксембургскомъ и Карлѣ IV, когда Прага едва не сдѣлалась столицей „Римской имперіи нѣмецкой націи“. Приадриатическіе славяне—хорваты и сербы—создали историческое величіе Венеціи, которая съ IV вѣстоваго похода, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, была главнымъ двигателемъ латинства на Левантѣ, до береговъ Сиріи и Анатоліи, даже Крымъ и Кавказа. Но всего прискорбнѣе, что и болѣе удаленные отъ Запада греко-славянскіе народы, напр., сербы и болгары,

румыны и лядовцы, мадьяры и эстонцы, наконецъ, даже русскіе, въ разные періоды своей исторіи, оказались болѣе или менѣе податливыми на вліянія Запада то въ религіозномъ, то въ политическомъ, то въ научно-художественномъ отношеніяхъ, какъ это имѣло, напр., мѣсто при нѣкоторыхъ Нѣманичахъ и Асенидахъ въ древней Сербіи и Болгаріи, Карагеоргиевичяхъ и Обреновичяхъ, Батенбергахъ и Кобургахъ въ Сербіи и Болгаріи новой, при Кузѣ и Карлѣ Гогенцоллернѣ въ Румыніи, при Биронахъ, Чарторижскихъ, Нессельроде и Клейнмихеляхъ въ Россіи.

При такомъ разбрасываніи греко-славянскихъ силъ на службѣ Западу, конечно, менѣе ичѣ оставалось въ запасѣ для собственной домашней работы, для выработки своей національной культуры.

И если, несмотря на цѣлые вѣка столь грустнаго неразумія своихъ политиковъ, вождей, пророковъ, греко-славянство все-таки не погибло на службѣ Западу, не слылось съ нимъ ни въ этнологическомъ, ни въ культурномъ отношеніи, а наоборотъ, въ громадномъ большинствѣ своего населенія постепенно сложилось въ могущественное государство, своеобразное общество, возвышенную Церковь и вообще самобытную культуру: то отсюда можно сдѣлать выводъ о громадности силъ и величіи призванія этого историческаго дѣятеля. Вѣра въ цѣлесообразность всего сущаго, въ разумность и мірозданія и міроуправленія заставляетъ думать, что столь громадный племенной и историческій организмъ, какъ греко-славянство, не могъ возникнуть, развиться и окрѣпнуть безъ особой разумной цѣли, безъ соразмѣрной съ его силами исторической задачи. Если бы эта задача заключалась лишь въ восполненіи западно-европейскаго культурнаго типа, то она могла бы быть гораздо легче и успѣшнѣе выполнена сотней мелкихъ народцевъ, въ родѣ басковъ, бретонцевъ, ирландцевъ, чѣмъ ихъ скопленіемъ въ громадное славянское племя и его вожди, Россію.

Но если это такъ, если греко-славянство удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, какія, по аналогіи прочихъ культурно историческихъ типовъ, можно для него установить въ этомъ отношеніи, если оно имѣетъ и особую географическую площадь, и обширный племенной субстратъ и единство исторической школы, самобытность содержания, оригинальность формъ, значительность силъ и стяжаній на культурномъ полѣ, при всей неблагоприятности исторической обстановки, отчасти и невѣрности историческихъ путей племени: то спрашивается, какія же имѣются объективныя

основанія отрицать греко-славянскій культурный міръ и подчинять его — положимъ, смежному, отчасти и родственному, но все же отдѣльному—романо-германскому или европейскому міру?

Полагаю, что объективныхъ основаній для такого отрицанія не имѣется, но взаимныя ихъ имѣются для того, и въ изобилии, основанія субъективные. Они заключаются прежде всего въ крайнемъ нежеланіи романо-германцевъ признать историческую равноправность съ ними народовъ греко-славянскихъ, къ которымъ и романцы, особенно въ прежнее время, а еще болѣе германцы, и во главѣ ихъ нѣмцы, относятся крайне неприязненно, нерѣдко и презрительно, какъ къ низшей расѣ, призванной собственно служить имъ, романо-германцамъ, какъ служили нѣкогда царя въ Инди, плоты въ Греци, и рабы въ Римѣ, въ пользу высшихъ кастъ или расъ. Не наука, не разумные доводы, а совершенно произвольныя, отчасти даже корыстныя желанія и чувства романо-германцевъ послужили основой для ученія о культурномъ илотствѣ греко-славянъ, столь распространеннаго и донынѣ между нашими чаадаевцами. Къ счастью, эти желанія и чувства вовсе не находятъ себѣ сочувственнаго отклика въ массахъ греко-славянъ, а наоборотъ, вызываютъ въ ихъ душѣ энергическій отпоръ и рѣшительный протестъ. Этимъ и объясняется повсемѣстная вражда между славянами и нѣмцами, какъ главными представителями обоихъ смежныхъ, но во многомъ столь противоположныхъ культурныхъ міровъ. Конечно, вражда—какъ личная, такъ и племенная—не принадлежитъ къ числу особенно возвышенныхъ и возвышающихъ психическихъ движеній. Но если въ одной средѣ эта вражда питается желаніемъ властвовать надъ другими, а въ другой — сохранить свою свободу, то всякій безпристрастный человекъ легко пойметъ, которое изъ этихъ противоположныхъ желаній должно быть признано законнымъ и которое незаконнымъ—преступнымъ.

Къ изложенному я позволю себѣ еще прибавить, что взаимное отношеніе міровъ романо-германскаго и греко-славянскаго представляется мнѣ аналогичнымъ — если взять сравненіе изъ области небесной механики — взаимному отношенію не земли, положимъ, и луны или земли и Венеры, а взаимному отношенію двойнымъ звѣздъ, изъ коихъ каждая горитъ собственнымъ свѣтомъ, но вѣдѣтъ съ тѣмъ вращается вокругъ другой и вокругъ какого-то посторонняго общаго имъ центра. Эта приблизительно мысль выражена была еще въ 1869 году А. Ф. Гильфердингомъ въ его сочиненіи: „Изъ древнѣйшей исторіи Славянъ“ (*Вѣст-*

никъ *Европы*). Разсматривая взаимное соотношеніе главныхъ индоевропейскихъ народовъ и созданныхъ ими культуръ, онъ замѣтилъ, что эти народы и культуры уже трижды выступали парами, изъ коихъ первая была образована индусами и иранцами, вторая греками и италиками, а третья германцами и славянами. Каждая изъ этихъ паръ связана была взаимно, не только происхожденіемъ и языкомъ, мифами и преданіями, но также географическою смежностью и историческимъ взаимодействіемъ. Однако сліяніе между членами каждой культурной пары, не произошло главнымъ образомъ по различію ихъ характера: первый изъ этихъ членовъ обыкновенно представлялъ богатое развитіе личности и основанныхъ на ней—религіи, философіи искусства—таковы индусы, греки, германцы; второй же членъ пары наоборотъ, отличался не столько развитіемъ личности, сколько общестственности, государственности—вспомнимъ иранцевъ, италиковъ, славянъ и основанныя ими громадныя имперіи: персидскую, римскую, всероссійскую. Но успѣхъ историческаго развитія выражался здѣсь между прочимъ и въ томъ, что эти противоположности индивидуализма и государственности въ настроеніи взаимно дополняющихъ себя членовъ каждой изъ трехъ означенныхъ культурныхъ паръ или, скажемъ, двойныхъ звѣздъ, постепенно ослабѣвали, и односторонности сглаживались, такъ что, напримѣръ, въ мірѣ эллинскомъ появилась, хотя и поздно, имперія Александра Македонскаго, а въ мірѣ германскомъ имперія Карла Великаго и вполсѣдствіи мировая держава Великобританская. Съ другой же стороны въ мірѣ греко-славянскомъ широко и свободно развивается, на ряду съ государствомъ и Церковью, а также искусство, понемногу же философія и другія науки. Это расширеніе объема и углубленіе содержанія позднѣйшихъ индо-европейскихъ культуръ, по сравненію съ болѣе ранними, обусловлено, между прочимъ, тѣмъ, что судьба какъ бы намѣренно сводить противоположныхъ по настроенію членовъ отдѣльныхъ паръ для историческаго между ними взаимодействія. Такъ, напримѣръ, индивидуалисты греческаго міра въ періодъ персидскихъ войнъ и македонскаго завоеванія сведены были съ государственными народами Ирана, съ монархіями Кира, Дарія, Ксеркса, а вполсѣдствіи съ государствами парянскимъ и средне-персидскимъ. Подобнымъ образомъ и германцы, народъ индивидуалистовъ, своею историческою школой прикованы были къ Риму, который, подобно Ирану, былъ вторымъ основнымъ типомъ индо-европейской государственности. Между тѣмъ славяне, народъ общинный,

слѣдовательно и государственный, были сближены и географіей и исторіей съ греками, сначала язычниками, а потомъ христіанами. отъ которыхъ славяне могли позаимствоваться любовью къ метафизикѣ, искусству, къ соборнымъ формамъ организациі церковной, отчасти и политической, вслѣдствіе чего образованность греко-славянская получила болѣе широкія основы и равномѣрное развитіе.

Греко-славянство такъ относится къ романо-германству, какъ древняя Эллада къ Риму. Существованіе многихъ общихъ основъ въ нашемъ мірѣ съ одной стороны, а романо-германскомъ — съ другой, конечно, не можетъ быть отрицаемо: славяне такіе же ариіцы, какъ и германцы; тѣ и другіе говорятъ на языкахъ одного класса и даже непосредственно родственныхъ и близкихъ между собой; тѣ и другіе развивались долгое время подъ суровымъ небомъ сѣвера, въ равномъ почти отдаленіи отъ очаговъ и монгольской, и хамито-семитской, и аріо-европейской образованности; потомъ тѣ и другіе въ сильной мѣрѣ приобщились культурѣ такъ-называемыхъ классическихъ народовъ, восприняли отъ нихъ христіанство, и на этихъ основахъ: своей народности, классицизма и христіанства, выработали свои особыя культуры, которыя вслѣдствіе того и имѣютъ между собой такъ много общаго. Но не слѣдуетъ забывать, что не менѣе общихъ чертъ существовало и между культурами греческою и римскою: обѣ онѣ также были связаны между собой и условіями географическаго размѣщенія ихъ носителей въ бассейнѣ Средиземнаго моря, и общностью ихъ арійскаго происхожденія, значительною близостью языковъ греческаго и латинскаго, сильнымъ вліяніемъ на грековъ и италиковъ болѣе древнихъ культуръ Азіи и Египта, вѣковыми взаимодѣйствіемъ эллинизма и италиковъ, благодаря особенно многочисленнымъ колоніямъ греческимъ на полуостровѣ Апеннинскомъ и впоследствии римскимъ на Балканскомъ, наконецъ, общностью мнѣовъ, взаимодѣйствіемъ религіозныхъ системъ, какъ языческаго, такъ и христіанскаго періодовъ, и перенесеніемъ на Западъ греческой философіи, науки, искусства, а на Востокъ — римскаго права, римской техники, идей римской имперіи, и даже политическаго центра послѣдней. Если, тѣмъ не менѣе, по суммѣ другихъ признаковъ, разобнающихъ эллинскій Востокъ отъ римскаго Запада, мы не рѣшася отрицать культурной отдѣльности Эллады отъ Рима, то уже въ силу аналогіи мы не имѣемъ никакихъ основаній отрицать въ новѣйшемъ періодѣ аріиской жизни отдѣльности и самобытности культуръ

романо-германской и греко-славянской, между которыми также существуют не менее глубокая, чем в античном мире, различия в областях религиозной, политической, социально-экономической и научно-художественной. как это отчасти отмечено и в предыдущем изложении. На этих именно различиях основываются и те инстинктивные антагонизмы, которые доныне разделяют грека от итальянца, мадьяра от немца, финна от шведа, особенно же славянина от германца, являясь как бы основным фоном и психическим субстратом для вековой борьбы европейского Востока и Запада, восходящей ко временам Карла Великого или даже Германариха, и все еще не законченной до настоящего времени.

Сознательная жизнь человека и народа не может, конечно, опираться на одних темных инстинктах: наоборот, она нередко должна бороться с ними, чтобы дать торжество светлomu над темным, человеческому над животным. Но в тех случаях, когда инстинкты коренятся на вековых периодах народных наблюдений и опытов, на здоровом синтезе законных движений народной мысли, воли, чувства, или психология, или история, или политика не имеют права их игнорировать, а тем более могут они вырывать из народной души эти вековые ее продукты и замещать их скороспелыми выводами чьего-нибудь личного суждения и ничтожного личного опыта.

Ведь было время, когда и романо-германская культура еще не отделялась особенно резко от антично-римской, причем не мало было между германцами мудрецов, в роду короля Теодориха, которые только и хлопотали о скорейшем слиянии победителей - варваров с победленными римлянами. Но в германских массах жила другая душа, более одушевленная чувствами и идеалами Арминия и Моробуда, чем Теодориха. На почве этих инстинктов германской народной массы и выросла затем новая образованность, сначала варварская, а потом и настоящая романо-германская или ново-европейская. Да и древний Рим в век Катона стоял уже на таком пути, двигаясь по которому, он непременно сбился бы в колею так-называемых эллиптических держав Азии и Африки, создавших, правда, особый, именно александрийский, период древнегреческой образованности, но не явивших миру нового самобытного деятеля. К счастью для человечества, предостерегающий голос Катона был поддержан сочувствием народных масс, чем и определено затем самобытное развитие Рима,

по крайней мѣрѣ, въ области права и политическихъ учреждений республиканскаго и императорскаго періодовъ.

Вообще, при разсмотрѣніи и рѣшеніи вопросовъ нравственной области, къ числу коихъ принадлежитъ и вопросъ о свободныхъ или подчиненныхъ отношеніяхъ міра греко-славянскаго къ романо-германскому, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ нравственномъ мірѣ идеи имѣютъ самобытно-двигающую силу, чего нельзя сказать о мірѣ физическомъ. Астрономы птоломеевской школы могли сколько угодно распинаться за неподвижность земли, и однако это не мѣшало ей вращаться вокругъ своей оси и солнца. Другое дѣло въ мірѣ нравственномъ: идеи въ немъ нерѣдко переходятъ въ жизнь, факты сознанія легко превращаются въ событія исторіи. При такихъ условіяхъ вѣра человѣка или народа въ свое призваніе, пока оно еще не осуществлено, имѣетъ великую двигательную силу. Она составляетъ, если не поль-усиѣха, то все же необходимое его условіе. Потому-то враги греко-славянства и трубятъ на всѣхъ перекресткахъ о нашей низшей расѣ, нашемъ служебномъ призваніи. Стоятъ лишь намъ повѣрить въ этотъ „последнему слову“ европейской науки, и мы дѣйствительно станемъ ея рабами, гигантскимъ плеоназмомъ всемірной исторіи, какою-то непопаяною ошибкой Промысла, исправить которую считаютъ себя призванными романо-германцы, особенно же нѣмцы, заодно съ нашими чаадаевцами. Если же мы этому не повѣримъ, и не закопаемъ въ землю таланта, доставшагося въ удѣлъ нашему „опально-міровому племени“, то никакія преграды, естественныя или искусственныя, не задержатъ мощнаго разлива греко-славянскаго образованности, до предствленныхъ ей береговъ:

„И вѣрю я, тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ берегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались“...

И этотъ часъ, предсказанный Хомяковымъ и приближенный Данилевскимъ, уже настаетъ: къ берегамъ греко-славянскаго моря уже приближаются не только многіе азіатскіе, но и европейскіе народы, особенно романскаго, но отчасти и германскаго

происхожденія. Со временемъ придетъ чередъ и на другихъ. Но на здѣшнихъ латышей и эстовъ оны не придетъ, ибо это не „чуждые народы“, а свои, еще со времени совмѣстнаго призванія „словенами и чудью“ Рюрика съ братьями и основанія русскаго государства. Уже съ той поры инородцы здѣшняго края являются столь же органическими членами нашего культурнаго міра, какими постепенно сдѣлались греки и албанцы, румыны и литовцы, армяне и кавказцы, многія вѣтви племенъ тюркскаго и всѣ народы финскаго корня.

И не слѣдуетъ бояться, что эти народы потонутъ въ славянскомъ или греко-славянскомъ морѣ: довольно въ немъ простора намъ и имъ. Выставленная Путкинскимъ дилемма: „Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ, оно-ль изсякнетъ;— вотъ вопросъ!“— уже можетъ считаться разрѣшенною, притомъ не для славянскихъ лишь, но и для инородческихъ притоковъ нашего культурнаго моря; сливаясь съ этимъ моремъ, инородцы вовсе не должны исчезнуть въ немъ, какъ не исчезаетъ Волга отъ слиянія съ моремъ Каспійскимъ, а Двина съ Балтійскимъ или Бѣлымъ. Найдутся пути, по которымъ упрочится взаимодѣйствіе между общимъ и частнымъ, подобно тому, какъ испаренія морей питаютъ ключи рѣкъ своей водяной областью. Гармоническое соотношеніе началъ единства и разнообразія, въ смыслѣ, какъ племенномъ, такъ и въ культурномъ, быть-можетъ и составляетъ основную задачу и характеристическую черту нашего культурнаго міра, подобно какъ оно же составляетъ очевидное преимущество нашего просвѣтительнаго начала, православія, въ сравненіи со слишкомъ ужъ централизованнымъ папизмомъ и не въ мѣру децентрализованнымъ протестантствомъ.

Единомысліе, основанное на любви или, вѣрнѣе, любви, какъ источникъ и опора единомыслія, въ духѣ трогательнаго церковнаго возгласа: „возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы“... вотъ основная черта истиннаго христіанства и вмѣстѣ высшая задача греко-славянской образованности! Подъ этимъ знаменемъ могутъ, думаю, свободно соединиться не только всѣ греко-славяне, но и многіе изъ тѣхъ „чуждыхъ народовъ“, о которыхъ упоминалъ въ вышеприведенномъ стихотвореніи вѣщій пророкъ греко-славянства. Да будетъ же такъ!...

Русско-славянскій
филологическій институтъ
ИНВ. № 2562

Кабинет
русского языка
Филологич. Ф 19
Инв. № 019

